

Владимир Великий, Брунон Кверфуртский и григорианское пение в Киевской Руси

1. Предыстория

Мир Киевской Руси – мир полуполюгендарный. Выглядит он так не только благодаря своей древности, но и потому, что количество сохранившихся источников по его истории столь невелико, что часто заставляет исследователей ограничиваться смутными предположениями и догадками. Но даже по небольшому объему дошедших до нас исторических свидетельств известно, что Киевское государство было вовлечено в широкую сеть династических, военных и торговых связей со Скандинавией, Византией, славянскими землями и романо-германским миром¹.

Эти связи существовали и в сфере церковной культуры. Как и другие государства Центральной и Восточной Европы, Киевская Русь на пути к христианству оказалась в пространстве между двумя великими традициями древней, тогда еще неразделенной Вселенской Церкви – литургическим обрядом Византии, принятом в Восточном Средиземноморье и постепенно искавшим дорогу в славянский мир, и Римским, или латинским обрядом, принятом в большинстве стран Запада и также стремившимся к распространению среди славянских народов².

Известно, что исторические судьбы русской церковной традиции связаны прежде всего с усвоением богослужебных обычаев Византии и созданием национальной литургической культуры. Но это не исключает знакомства людей Киевской Руси с церковной культурой латинского Запада. Данные археологии, истории русского языка, ранней житийной литературы и литургической поэзии показывают, что мир западных преданий вовсе не был чужд древнерусскому обществу, а общение Руси с западным христианством началось задолго до римо-византийского раскола 1054 года и не ослабевало длительное время после него. Что же касается западного богослужения в его «звучащей» форме, то здесь все зависело от возможности общения с носителями литургической традиции – с представителями латинского духовенства. Даже немногочисленные данные дошедших до нас источников показывают, что это общение было достаточно интенсивным.

Около 959 года при дворе германского императора Оттона I Великого появилось посольство, направленное княгиней Ольгой (годы правления: 945–962; † 966), доньне почитаемой Русской церковью в числе первых святых. Послы недавно принявшей крещение «королевы Ругов», как называли Ольгу на Западе, просили императора о посылке на Русь епископов и священников. В 961 году первым в истории епископом Русским становится Адальберт из Трира, сам оставивший краткое свидетельство о своем киевском начинании³.

В появлении христианских проповедников у ворот раннесредневекового Киева не было, видимо, ничего удивительного: несмотря на преобладание в тогдашнем обществе славянского и скандинавского язычества, среди жителей Руси были и христиане, причем, предположительно, самых разных толков и обрядов. Но прибытие духовного лица в сане епископа могло означать нечто большее: речь шла о создании в Киевском государстве церковной иерархии Римского обряда и о стремлении обратить в христианство все население страны.

962 год, в который началась миссия Адальберта, был, однако, не лучшим временем для осуществления подобных планов: власть от Ольги перешла к ее сыну Святославу Игоревичу († 972), что по сути дела означало языческий переворот и отказ от сближения с христианским миром. Адальберт и его спутники были вынуждены оставить Русь, и следующие попытки христианизации

страны по латинскому обряду относятся уже к периоду правления Ярополка Святославича (969–978).

Трудно сказать, входила ли в задачи направленного Ярополком в 973 году в Кведлинбург, ко двору Оттона I, посольства вторичная просьба о присылке латинского духовенства, но есть данные о том, что в 70-е годы X века деятельность немецких миссионеров в Киевском государстве оживилась. Еще в 968 году центр миссионерской деятельности на Востоке был перенесен в Саксонию – в Магдебург: здесь было основано миссийное архиепископство, деятельность которого была направлена на весь славянский мир, и примечательно, что возглавил эту кафедру именно Адальберт из Трира. Позднейшая летопись сообщала, что «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяще христианы, и асче сам не крестися народа ради [т.е., не желая противостояния с подданными-язычниками – В.К.], но никому не претяще». Есть, однако, данные о том, что ок. 975 года крещение князя (по Римскому обряду) все же могло состояться, а сам он был не только женат на внучке Оттона I, но – после гибели в княжеских распрях – мог даже почитаться в Киеве в качестве местного святого⁴.

С воцарением Великого князя Владимира Святославича Великого (годы правления: 978–1015) и принятием христианства как государственной религии (по данным русского летописания – 988 г.), контакты с разными странами, включая не только Византию, но и европейский Запад, становятся постоянными. К этому времени династические браки Рюриковичей приобретают тот всеевропейский характер, который будет характерен для внешней политики Киева еще на протяжении почти двухсот лет. Выданных за Рюриковичей иноземных княжон, как правило, сопровождали духовные лица, иногда высокого ранга. Наиболее известный, хотя и не единственный случай – пребывание на Руси епископа Рейнберна, который прибыл в Киев как духовник дочери польского князя Болеслава Храброго – супруги князя Святополка Владимировича († 1019)⁵.

Сказанное представляет интерес не только в контексте политической истории Русского государства. За каждым из упомянутых здесь событий стоит встреча древнеславянского мира с *литургической культурой* латинского Средневековья, причем в достаточно полном ее объеме: это следует хотя бы из наиболее общих представлений о том, как выглядело путешествие миссионного епископа или обычного священника в X столетии. Никто из миссионеров раннесредневековой эпохи не передвигался по неизведанной земле в одиночку. Священника должен был сопровождать хотя бы один служитель-министрант, помогавший служить ежедневную Мессу; несколько человек должны были отвечать за перевозку церковной утвари, переносного алтаря, облачений и т.д. Епископа же сопровождали несколько священников и многочисленная челядь – в совокупности несколько десятков человек. Богослужение должно было совершаться ежедневно, причем речь шла не только об одной или нескольких мессах, но и о службах суточного круга⁶ – Вечерне (лат. *Vesper*), Утрене (*Matutinum*), Утренних хвалениях (*Laudes*), малых часах и Повечерии (*Completorium*). Служба в присутствии народа (особенно, если ее возглавлял епископ) пелась от начала и до конца. С закреплением на осваиваемых землях литургия переносилась в небольшие, предельно просто выстроенные церкви. Наиболее распространенным типом такого рода постройки была романская ротонда – архитектурный тип, не характерный для Византии или для последующей русской традиции, но часто встречающийся в Центральной Европе и известный по раскопкам княжеского Детинца в древнем Киеве⁷.

Музыкальной основой богослужения было *григорианское пение* – корпус песнопений Римского обряда, сложившийся в VIII–IX веках в империи Каролингов (на территории современных Франции, Южной и Западной Германии и Северной Италии) и унаследовавший многое из певческих традиций других эпох и обрядов⁸. Создание «григорианского» (*cantus gregorianus*) или «римского» (*cantilena romana*) пения приписывалось каролингским духовенством Папе Римскому Григорию Великому, хотя можно предполагать, что в самом Риме пели в то время по-другому⁹. Появление григорианского репертуара было плодом творческой работы каролингских литургистов и музыкальных теоретиков – отсюда совершенство григорианского мелоса, стройность его ладового строения и классически ясное соотношение музыки и текста.

Роль, которую играло григорианское пение в проповеди христианства на Востоке Европы, в специальной литературе почти не обсуждалась. Но роль эта должна была быть значительной: проповедь совершалась вдали от древних соборов Рейна и Дуная, и здесь нельзя было рассчитывать на помощь монументальной церковной архитектуры или фресковой живописи. Трудно было предполагать, что на новообращенную паству может воздействовать лишь текст богослужения, даже если он и был переведен (полностью или частично) на местный язык. Здесь было необходимо не только понимание текста, но и осознание тех категорий, которые он был призван выразить. А вот воздействие григорианики – даже на людей, принадлежавших к иной музыкальной культуре, – должно было быть огромным. Характер связей Древнего Киева с Западом позволяет предположить, что григорианское пение было одним из *постоянных элементов* в том звуковом мире, который принесло с собой на Русь христианство.

1. Брунон

Прямое свидетельство об исполнении григорианского пения на землях Киевского княжества оставил св. Брунон Кверфуртский – латинский архиепископ, прибывший ко двору Владимира Великого в 1008 году.

Брунон¹⁰ (род. Ок. 974 г.) был выходцем из саксонской аристократической семьи, состоявшей в родстве с императорским домом. Своим (по тем временам незаурядным) образованием он был обязан известной школе при Магдебургском кафедральном соборе, где в круг обучения входили интенсивные занятия григорианским пением и *ars musica* – теорией музыкального искусства¹¹.

Получив сан каноника, Брунон в 996 году сопровождал в Италию императора Оттона III. Узнав в Риме о мученической смерти соученика по Магдебургу – чеха Войтеха-Адальберта Пражского (погиб при проповеди христианства в Пруссии), Брунон – еще не зная, что смерть Адальберта предвосхищает его собственную судьбу – принял монашеский постриг. Его наставником был св. Ромуальд Камальдоленский – основатель отшельнического ордена камальдулов. Впоследствии, сочиняя житие Ромуальда, один из наиболее выдающихся духовных писателей Средневековья Петр Дамиани вспомнил и о юном саксонце, отметив его незаурядную музыкальность: «Был превосходно обучен свободным искусствам, в особенности же отличался в благозвучных музыкальных упражнениях (*in modulationis musicae studio*)»¹². Хотя многое из написанного Петром о последующем пути Брунона основано на легендах¹³, мы вправе доверять тому, что Петр сообщает о личности самого героя.

Из духовного опыта, полученного Бруноном в Италии, родилась идея о продолжении дела Адальберта – проповеди христианства на тогдашних окраинах Европы. В 1004 году Брунона рукоположили в «архиепископы язычников», что означало полномочия не только для проповеди, но и для организации новых епархий на Востоке. В 1008 году он приступил к обращению в христианство печенегов. Путь в занятые ими степи лежал через Киев. Об итогах миссии сообщает текст, известный как «Послание Брунона королю Генриху»¹⁴. Один из героев Послания – св. Владимир Великий, а один из сюжетных мотивов – исполнение григорианского песнопения в присутствии киевского князя.

«Государь Русов (*senior Ruzorum*), великий властью и богатствами», – писал Бруно, – «задержал меня на один месяц <...> и старался убедить меня не ходить к столь безумному народу, где я не смог бы обрести новых душ, но обрел бы лишь смерть, да и то постыднейшую»¹⁵. Уговоры оказались безуспешными, и Владимир – которому было дано какое-то видение о судьбе Брунона – сам проводил его до огромного частокола, отделявшего Русь от дикой и неизведанной степи. Брунон и его спутники пересекли границу, за ними – «соскочив с коня на землю» – последовал князь с приближенными.

«Он стал на одной возвышенности, мы же на другой», – продолжает Брунон. «Обхватив руками несомый мною крест, я запел благородную песнь (*nobile carmen*): “Петр, любишь ли ты Меня? Паси овец Моих” (*Petre, amas me, pasce oves meas!*). По окончании респонсория, государь послал к нам одного из своих старейшин со словами: “Я проводил тебя до места, где кончается

моя земля и начинается вражеская. Ради Бога молю тебя, не губи свою юную жизнь к моему бесчестию¹⁶. Ибо знаю, что завтра до третьего часа¹⁷ тебе суждено вкусить бессмысленную, бесплодную и горькую смерть”. Я ответил: “Да откроет тебе Бог врата Рая, как ты открыл нам путь к язычникам”».

2. Песнопение

С тех пор, как «Послание Брунона к Генриху» было обнаружено русским историком А.Ф. Гильфердингом¹⁸ (впоследствии выдающимся фольклористом), оно неоднократно изучалось, цитировалось и переводилось (одних только русских переводов – полных или фрагментарных – было выполнено по крайней мере шесть)¹⁹. Интерес историков к этому тексту понятен – это единственное свидетельство о Владимире Великом, оставленное его современником и сохранившееся к тому же в очень древнем списке²⁰. Владимир в описании Брунона – еще не герой северных былин, еще не канонизированный основатель русского христианства и не летописный персонаж (таковым ему предстояло стать через десятки, если не сотни лет). Это прежде всего живая и полнокровная личность – воин, легко спрыгивающий с коня, скандинавский конунг, охраняющий свои владения от лежащего за их границей кромешного мира.

Однако, видимо, никто из писавших о Бруноне и его Послании, не придавал особого значения тому, что именно поэт Брунон перед тем, как отправиться в смертельно опасное странствие. Не обращали, насколько известно, внимание на текст Послания и историки средневековой музыки²¹. Между тем, именно исполненное в печенежской степи, в присутствии «государя Русов» песнопение – не только эмоциональная вершина повествования, но и его идейная основа.

Песнопение *Petre amas me* легко можно найти в рукописных источниках, в том числе в двенадцати кодексах, сохранивших древнейшую григорианскую литургию суточного круга²², – а это свидетельствует об очень раннем происхождении напева. Жанр его указан самим Бруноном – это *респонсорий* (*responorium*), песнопение, исполняющееся после богослужебного чтения на Вечерне, Утрени и других Канонических часах. Особо мелодически развитые, т.н. *протяженные респонсории* (*responsorio prolata*) пелись на Утрени, во время которой Римский обряд предусматривал девять чтений и – следовательно – девять респонсориюв²³.

В нотном примере респонсорий *Petre amas me* приводится по древнейшему источнику саксонской традиции – антифонарию, переписанному в Кведлинбурге в первой половине XI века²⁴. Брунон – представитель саксонского духовенства – несомненно знал песнопение в сходной версии и в такой же графической форме – речь идет о т.н. *немецких невмах*, указывающих на общее направление мелодического движения²⁵.

Наиболее распространенная форма респонсория – *А В С В А В* (отмечено в нотном примере), где *А* – сольный раздел респонсория, *В* – его повторяемая хоровая часть, которая называется репетендой (*repetenda*), а *С* – стих респонсория (*versus*), который, так же, как и раздел *А*, поется солистом-кантором²⁶. Когда репетенда поется после стиха, в рукописях приводится лишь ее начало – в данном случае это распев слова *ато* в последней строке примера. Можно предположить, что сольный раздел и стих респонсория были пропеты Бруноном, а хоровые разделы – его спутниками.

Текст песнопения восходит к Евангелию от Иоанна (Гл. 21, 15–17); это диалог Иисуса с апостолом Петром:

- А (кантор) – Петр, любишь ли ты Меня?
– Ты знаешь, Господи, что
В (хор) я люблю Тебя.
– Паси овец Моих.

- С (кантор) – Симон²⁷, сын Иоаннов, любишь ли ты Меня более, чем другие?
– Ты знаешь, Господи, что
- В (хор) я люблю Тебя.
– Паси овец Моих.
- А (кантор) – Петр, любишь ли ты Меня?
– Ты знаешь, Господи, что
- В (хор) я люблю Тебя.
– Паси овец Моих.

Троекратное обращение Иисуса к Петру означает вручение последнему полномочий Первоверховного апостола. Это особенно подчеркивалось западной богословской традицией: Петр – первый епископ Римской церкви; предполагалось, что данная ему власть распространяется на его преемников.

В то же время, Петр как глава апостолов – покровитель миссионеров. Это особенно отчетливо проявляется в послании Брунона, который, видимо, считал Петра своим патрональным святым. Известно, что в 1002 году он освятил новую церковь в родовом Кверфуртском замке. Одним из ее покровителей был избран св. Петр. В тексте же «Послания к Генриху» апостол упоминается двенадцать раз, в т.ч. и в выражениях, предполагающих отношение вассала к сюзерену: «государь мой, святейший Петр» (*senior meus sanctissimus Petrus*)²⁸. Хотя были попытки связать исполнение респонсория с церковным календарем и таким образом точнее датировать события на русско-печенежской границе²⁹, они вряд ли имеют смысл – очевидно, что в Послании речь идет о внелитургическом (и внекалендарном) исполнении напева, т.е. о глубоко личном молитвенном акте. То, что перед выходом на проповедь Бруно поет именно респонсорий *Petre amas me*, должно означать не только напоминание о долге проповедника («Паси овец моих»), но и обращение к Петру с просьбой о предстательстве и поддержке.

4. Мир вокруг

Печенеги, встреченные Бруноном за частоколом, описаны им вполне в духе средневековой письменности. В которой нехристианские страны населены диковинными, а иногда и жутковатыми существами – у них «налитые кровью» глаза, и они издают «ужасные вопли»³⁰. Но опасения Владимира не подтвердились – Брунон с удовлетворением сообщает о крещении тридцати человек и о заключении мира между печенегами и Киевом. По возвращении ко двору Владимира он рукоположил одного из своих священников в епископы и оставил его в распоряжении киевского князя. В Германию Брунону вернуться было не суждено – из Киева он направился в Польшу (там, кстати, и возникло «Послание к Генриху»), а оттуда на северо-восток, где в 1009 году погиб, подобно Адальберту Пражскому, проповедуя Евангелие прусам. Прославление Брунона как святого последовало уже через несколько лет после его смерти, и 9 марта Западная церковь отмечает день его памяти.

«Послание Брунона к Генриху» не просто уникально – оно вообще не имеет аналогов ни среди западных, ни среди русских источников по истории Киевского государства. Послание свидетельствует и об исторической личности Владимира Великого, и о присущем ему визионерском даре («видение», о котором бегло упоминает Брунон), и об отношениях Киева со степью, и о том, как выглядели связи Киевской Руси с церковной культурой латинского мира. Русь для Брунона – христианская страна, а Владимир – христианский государь. Брунон ничего не говорит об обрядовой ориентации Руси, но, очевидно, не считает необходимой проповедь на ее землях. Предмет его внимания – печенеги, представлявшие угрозу как для Руси, так и для других

европейских государств. Великий князь Киевский способствует миссии латинского архиепископа и в течение месяца принимает его у себя – надо полагать, что респонсорий св. Петру (по сути дела, *первое музыкальное произведение, упомянутое на страницах русской истории!*) был не единственным григорианским напевом, который Владимир слышал из уст Брунона или его сподвижников. Наконец, Брунон оставляет в распоряжении Владимира вновь рукоположенного латинского епископа – видимо, вместе с несколькими священниками, а это само по себе предполагает постоянное звучание григорианского мелоса там, где эти священники находились.

Таким образом, и русский князь, и немецкий миссионер живут и действуют в *едином культурном пространстве*, еще не тронутом последующими историческими бурями. Границы этого пространства в те времена совпадали с границами если не всего христианского мира, то, по крайней мере, всего европейского континента. Это осознавалось и носителями древнерусской культуры, и здесь достаточно привести лишь один пример – сочиненное в середине XI века «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, одного из наиболее выдающихся писателей Древней Руси. Значительное место в «Слове» занимает похвала Владимиру – он ставится в один ряд с апостолами, некогда просветившими разные страны земли и сделавшими их христианскими. Перечисление земель начинается с «Римской страны», и под этим Иларион понимает весь тогда еще не столь далекий латинский Запад: «Хвалить же похвальными гласы Римскаа страна Петра и Паула, имаже вероваша въ Исуса Христа, Сына Божия»³¹. «Похвальные гласы» – выражение, пришедшее в сочинение Илариона из словаря библейской риторики. Но это и традиционное обозначение богослужебного (в данном случае латинского) пения – литургический термин, за которым стоял хорошо знакомый современникам Илариона звучащий мир.

1 Внимание историков было, как правило, обращено на контакты Киева со Скандинавией, Византией и славянскими народами; в меньшей мере были систематизированы данные о связях Древнерусского государства с Германией. Именно им в значительной мере посвящена фундаментальная работа А.В. Назаренко «Древняя Русь на международных путях» (М., 2001), ряд положений которой был ранее опубликован в виде учебного пособия: Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Ред. Е.А. Мельникова. – М., 1999. – С. 259-407.

2 Обрядом (лат. *ritus*) принято называть порядок совершения церковных таинств, а также совокупность богослужебных текстов и последовательность их исполнения, принятых на территории определенного патриархата или архиепископства. Применяемые далее термины «литургия» и «литургический» относятся к богослужению как таковому, а не только к евхаристической Божественной Литургии (на Западе – Месса). Профессиональные историки-литургисты для обозначения двух основных ареалов христианства используют термины «Римский обряд» и «Византийский обряд» и избегают терминов вероисповедного толка. Применение современных обозначений «католицизм» и «православие» по отношению к Раннему Средневековью и к истории литургии является анахронизмом.

3 Записки Адальберта сохранились как продолжение хроники Регинона Прюмского († 915). Публикацию этого текста с русским переводом см. в кн.: Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.: тексты, перевод, комментарий. – М., 1993. – С. 101-130. Регинон известен также и как музыкальный теоретик.

4 Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Гл. VII: Накануне Крещения: Ярополк Святославич и Оттон II (70-е гг. X века). С. 339-390, в особенности 380 и 385.

5 Судьба Рейнберна на Руси сложилась трагически: он был заключен в темницу, где и умер. Правда, произошедшее не имело никакого отношения к его епископскому служению: поводом для заключения было возможное участие Рейнберна в заговоре Святополка против Владимира.

6 Т. н. Оффиций (*Officium*) или Канонические часы (*Hora canonica*).

7 Килевич С.Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII века. – Киев, 1982. – С. 107. Рис. 72 (реконструкция П.П. Толочко). Хотя ротонда датируется XII веком, у нее есть более ранние аналоги на территориях, некогда входивших в состав Древнерусского государства.

8 См.: *Hiley D. Western Chant. A Handbook.* – Oxford, 1993.

9 Песнопения местной римской школы (староримское пение), известные по нескольким рукописям конца XI-XII вв., существенно отличаются от григорианского мелоса.

10 Латинская форма имени – Bruno, Brunonis, отсюда традиционная транскрипция «Брунон» (ср. лат. Guido, Guidonis и «князь Гвидон» в «Сказке о царе Салтане» – пушкинской переработке западного сказочного мотива); в русской исторической литературе иногда используется осовремененная форма «Бруно»; немецкие историки используют как диалектную форму Brun – Brun von Querfurt, так и стандартное написание Bruno. Брунону посвящена обширная литература; см., в частности, библиографию в статье: Berg D. Bruno von Querfurt // *Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserslexikon.* Bd. 1. – Berlin, 1978. – Sp. 1053-1056; Lotter F. Bruno von Querfurt // *Lexikon des Mittelalters.* Bd. 2. – München, 1983. – Sp. 755-756. Ссылки на ряд других исследований см. в след. примечаниях.

11 Об истории школы см.: Pätzold S. Von der Domschule zu den Studia der Bettelorden: Bildung und Wissenschaft im mittelalterlichen Magdeburg // *Concillium medii Aevi.* – 2001. – Bd. 4. – S. 81-97.

12 Petri Damiani Vita beati Romualdi / A cura di G. Tabacco. – Roma, 1957. Cap. 27 (=Fonti per la storia d'Italia; Vol.94).

13 В тексте жития реальные сведения о Бруноне смешаны с преданиями о проповеди немецких миссионеров на Руси в 70-е годы X века (см: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. – С. 339-361).

14 Генрих II, впоследствии император (годы правления: 1002-1024). Рассказ о встрече с Владимиром и о проповеди у печенегов появляется в первой половине Послания. Вторая его половина посвящена польско-немецким отношениям в начале XI века.

15 Перевод по критич. изд.: Vita Quinque Fratrum Eremitarum. Epistola Brunonis ad Henricum regem / Rec. Hedvigis Karwasicska. – Warszawa, 1973. – P. 77-106 (=Monumenta

Poloniae Historica; Ser. nova; T. IV. Fasc. 3); в данном случае см. стр. 98-99; далее цитируется как *Epistola Brunonis*.

16 Владимиру к этому времени могло быть около сорока пяти лет, Брунону же чуть более тридцати.

17 Т.е., по церковному времяисчислению, – на рассвете.

18 Гильфердинг А.Ф. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром // Русская беседа. – 1856. – Т. 1. – С. 1-34.

19 Латиноязычные источники по истории Древней Руси / Сост. и пер. М.Б. Свердлов. – М., 1989. – С. 45-56 (там же ссылки на более ранние переводы); Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв. – С. 314-315.

20 Рукопись: Kassel, Landesbibliothek, 4° Ms. Philol. I, fol. 151v-153v; первая пол. XI в.

21 Отсюда досадная путаница в музыкальной терминологии переводов. Еще А.Ф. Гильфердинг перевел термин *responsorium* как «антифон» (так – !); см.: Неизданное свидетельство... – С. 13); М.Б. Свердлов вообще отказался переводить название жанра – у него речь идет о просто «песнопении» (Латиноязычные источники... – С. 50); А.В. Назаренко, сохраняя термин «респонсорий», допускает другую ошибку, переводя термин *carmen* как «гимн» (Западноевропейские источники... – С. 314). Между тем, *carmen* – это просто песнь (или песня), а гимн – совершенно особый жанр в латинских службах суточного круга.

22 См.: Hesbert R.-J. Corpus antiphonalium officii. T. 4: Responsoria, versus, hymni, varia. – Roma. 1970. № 7382 (=Rerum ecclesiasticarum documenta; Series maior; Fontes; Vol. 10.

23 В монастырском богослужении – двенадцать чтений и двенадцать респонсориюв.

24 Berlin, Staatsbibliothek Preubischer Kulturbesitz, Mus. ms. 40047, fol. 90r; факсимильное изд.: Möller H. Das Quedlinburger Antiphonar. Bd. 1-3. – Tutzing, 1990. «Petre amas me» часто приводится средневековыми теоретиками как характерный пример мелодии, исполняемой в четвертом григорианском модусе. Респонсорий был, видимо, одним из наиболее распространенных песнопений Средневековья – уже в XI-XII веках записываются его многоголосные версии. Музыка на текст песнопения часто сочинялась и позже – вплоть до XVI-XVII столетий.

25 Об основных принципах этого типа письма см.: Карцовник В.Г. О невменной нотации Раннего Средневековья // Эволюционные процессы музыкального мышления: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.Л. Порфирьева. – Л., 1987. – С. 21-41. Для «перевода» невменных знаков в современную графику используются более поздние источники с интервальной нотацией. В данном случае мелодия восстановлена с привлечением рукописи: Karlsruhe, Badische Landesbibliothek, Aug. perg. 60, fol. 162v (микрофишное изд. В серии Codices Illuminati Medii Aevi. Bd. 37. – München, 1995).

26 В григорианской традиции существуют и другие разновидности респонсориальной формы.

27 Первое имя апостола Петра.

28 *Epistola Brunonis*. – P. 97.

29 *Meysztowicz W. Szkice o ewétym Brunie-Bonyfacym // Sacrum Poloniae Millenium V.* – Roma, 1958. – S. 445-501. В этой работе (стр. 491) респонсорий связывается с праздником Кафедры св. Петра (22 февраля). В кведлинбургской рукописи песнопение отнесено ко дню Петра и Павла (29 июня). Это восьмой, т.е. предпоследний респонсорий Утрени.

30 *Epistola Brunonis*. – P. 99-100.

31 Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI-XII вв. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – СПб., 1997. – С. 42.